

УДК 63.3(04)

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ

Я. Г. Риер

(Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
кафедра истории и философии).

Рассмотрены особенности развития Византии, состоявшие в своеобразном сочетании античных и восточных черт, что привело к установлению самодержавной формы правления, которая породила внутриполитическую неустойчивость, приведшую государство к кризису.

После падения Рима Византия просуществовала еще целое тысячелетие. В чем же причины ее жизнеспособности, ибо по протяженности византийская эпоха почти равна древнеримской? Они кроются в своеобразии экономического и социально-политического развития. Экономика восточной части Римского государства, включавшего многие очаги древних цивилизаций, была, в отличие от западной части империи, многоукладной. Она не была завязана исключительно на труде рабов. Там и до римского завоевания, и в составе империи продолжало существовать крестьянское земледелие и свободное ремесло. Поэтому кризис античного рабства был здесь не столь разрушительным. Ставший ущербным рабовладельческий уклад в сельском хозяйстве вытеснялся крестьянским. Сохранила жизнеспособность и городская экономика, следовательно, продолжался товарообмен между городом и деревней, что позволило сохранить налоговую систему. Грецию, с ее близостью к римским порядкам, «вытянули» афро-азиатские провинции. Менее разрушительным оказался и натиск варваров.

В итоге, если на Западе произошли полная смена власти и перераспределение собственности от римлян к варварам, то в Византии собственность и власть лишь перемещались внутри правящего слоя, при включении в его состав новых групп. Устойчивость государственным структурам создало, прежде всего, сохранение, как и везде на Востоке, мелких крестьянских хозяйств. Поэтому разрушение рабовладельческой системы, хотя в целом и ослабило страну, но не разрушило, как на Западе. В Греции, где крестьянское хозяйство было подорвано, как и в Риме, оно было возрождено славянскими переселенцами. Сохранение налаженной налоговой не только скрепляло государство, но оставляло ресурсы и для содержания византийской армии, и, при необходимости, чтобы откупиться от опасных противников. В таких условиях варварское расселение на Балканах не было столь разрушительным, как в западных провинциях империи.

Богатая казна позволила не только сохранить государственный аппарат, но создать разветвленную чиновничье-бюрократическую систему и выработать основанную на ней особую форму государственного управления – **самодержавную власть** – уникальный опыт тоталитарного государства в Европе (А. П. Каждан). В античном Средиземноморье были, как известно, выработаны более совершенные формы государственного управления, основанные на демократии. Но в тогдашних условиях она оказалась доступной только свободным. Ее ограниченность и стала одной из причин гибели античного общества. Византия, таким образом, вернулась к более ранней форме государственной организации, присущей и древнему Востоку, и, отчасти, европейским раннесредневековым варварским королевствам. Но в Византии не просто восстановилась единовластие, присущее уже и Позднему Риму. В ней монархические традиции, возникавшие при изживании первобытности из обычаев подчиняться военным вождям, вплелись в самый образованный в тогдашней Европе правящий слой и высокую городскую культуру.

Но сохранение в раннем средневековье сильного государства влияло на генезис феодализма. Во-первых, это способствовало своеобразному государственному закреплению крестьян. Будучи юридически свободными, крестьяне платили государству ренту в виде налога. Эта рента была намного выше крестьянских платежей в Западной Европе. Во-вторых, централизованная форма закреплению тормозила складывание частных поместий, рост власти землевладельцев над зависимым населением, оформление феодальной иерархии. Даже замков, как на Западе, здесь не сложилось. Знать предпочитала жить в городах. Как метко заметил Иосиф Бродский, *«Византия была мостом в Азию, но движение по нему шло в обратном направлении»*. И далее, даже *«христианству в ней суждено было овосточиться»* [1, с. 373].

Но почему же общественное развитие у этой единственной наследницы античности оказалось вялым, замедленным? Определенную роль сыграл внешнеполитический фактор: империя находилась в состоянии перманентной войны, часто одновременно с несколькими врагами. Отсюда, как отмечал один из ведущих современных российских византинистов Г. Г. Литаврин, – чрезвычайщина, консервировавшая существовавшие порядки. Отсюда – огромные людские и материальные расходы, пожиравшие ежегодно до 70% бюджета. Приверженность доктрине «божественной империи», ее неоспоримой гегемонии в регионе стала второй натурой Византии, что вело к привычке проводить активную внешнюю политику, несмотря ни на что. Но, что важно подчеркнуть, во всех своих завоеваниях (Италии, Северной Африки, Болгарии, Закавказья), Византия не переходила границ старой Римской империи. То есть, с точки зрения ее элиты, страна вела справедливые войны за восстановление своих прав, попраных варварами. Тем более что инициатива конфликтов обычно исходила от более бедных, потому и агрессивных соседей. Далее Литаврин отметил, что Византия – единственное европейское государство раннего средневековья с детально разработанными нормами классического права частной собственности. Но, при этом, Византийская империя – единственная страна европейского средневековья, в монархическом строе которой сохранились черты древних азиатских деспотий, где подданные лишь постольку и до тех пор обладали собственностью, поскольку и пока это было угодно деспоту. При этом своеобразной собственностью были и сами подданные [2].

Поэтому, если в IX–X вв., когда Западная Европа еще только «вылезала из овчины», Византия была первым государством Европы – по уровню экономического развития, богатству, образованности, то с XI в.

положение изменяется. И не только потому, что на Западе начался подъем, но и потому, что византийская цивилизация исчерпала заложенные в ней возможности.

Правда, под поверхностью византийского централизма постепенно вырастали новые силы. С одной стороны, это были феодальные элементы (мелкопоместный служилый слой – динааты), с другой – провинциальные города. Земельные собственники предпочитали эксплуатировать крестьян в своих поместьях, а не получать от государственной власти известную долю от собираемых налогов. Укрепившиеся провинциальные города оспаривали торгово-ремесленную монополию Константинополя. Но и та и другая сила оказались недостаточно эффективными. Их действие было лишь негативным, подтачивающим государственный аппарат. Сказывалось и специфическое соединение римских имперских и восточных черт в общественном устройстве. От античности: обожествлялась не особа правителя, а его место – трон. Ни западноевропейские, ни, пожалуй, и восточные монархии не знали столь частых дворцовых переворотов и смен династий. Постоянная грызня элит усиливала внутренние конфликты, затрудняла проведение назревавших изменений и ослабляла империю перед внешними угрозами. В итоге византийская государственность с ее традиционностью, возведенной в принцип, с ее негибким административным аппаратом оказалась не в состоянии противостоять натиску и с запада, и с востока. Империя исчерпала свои ресурсы и исчезла с исторической арены.

Литература

1. Бродский, И. Форма времени : в 2 т. / И. Бродский. – Минск : Эридан, 1992. – Т. 2. – 480 с.
2. Литаврин, Г. Г. Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII–XII вв. / Г. Г. Литаврин // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. – СПб., 1999.